

У одной хозяйки, матери двоих детей, заканчивался в доме сахар. В сахарнице оставалась горсточка раза на два. А в хлебнице — всего половинка буханки хлеба.

Собираясь утром на работу, она заварила чай (из последней щепотки заварки), налила его в свою зелёную кружку с белыми горошинами и подумала: «Хватило бы детям». Отрезала себе тоненький кусочек хлеба от половины буханки и насыпала сахар в чашку с чаем — около половины чайной ложечки. Таким образом позавтракала.

Дети ещё спали и видели сны, а их мама уже спешно собиралась на свою малооплачиваемую работу. Выходя из квартиры, она забыла поздороваться с соседкой, что напротив, но всё-таки оглянулась и сказала: «Извините, доброе утро!» Машинально села в автобус и мысленно повторяла сама себе одну и ту же фразу из популярной песни: «Держи меня, соломинка, держи...» И потом — наполовину вслух, но тоже для себя: «Что бы такое придумать?»

Эта женщина работала секретарём в какой-то доперестроечной конторе уже много лет. Контора и её сотрудники всё никак не могли перестроиться, жили и мыслили как и раньше, обрастая постепенно всё более ненужными бумагами, липовыми отчётами, погружаясь в бесконечную показушную суету. И люди привыкли: хоть и небольшая зарплата, зато работу знали и чувствовали себя спокойно. Правда, не любили они её, как, впрочем, и героиня данного рассказа. Которая (какое безобразие) прибежала на работу с небольшим опозданием, поспешно взялась за

недоделанные со вчерашнего дня отчёты, работая и разбираясь в цифрах и бумагах чисто автоматически. Она даже с начальником научилась говорить одними и теми же фразами, повторяющимися из года в год.

Кстати, начальника, пожилого и заостенелого, с неважным здоровьем человека, это вполне устраивало. За работой женщина на какой-то момент забывала о своих навязчивых мыслях, но снова и снова возвращалась к ним и всё спрашивала себя: «Что же такое всё-таки придумать?» Ответ возникал естественный: уволиться и подыскать другую, более престижную работу, то есть оплачиваемую. Но возраст, однако, не тот, чтобы работать секретаршей на фирме, к примеру. Да и мужа нет смысла желать, так как все знакомые ей мужчины либо женатые (те, что поприличнее), либо пьющие. Либо — непьющие, но неприличные. Ну что тут можно придумать? Ради детей, конечно...

Выходя после работы из конторы, она почувствовала, как подкрадывается страх, ничтожный и назойливый, — оттого, что представила, как она придёт домой, что ответит детям, когда они спросят: «Мама, что у нас есть покушать?» — «Солнышки, птенчики мои, потерпите, — ответит она им, — до получки осталась всего одна неделя». И вспомнила, что остался ещё целый килограмм пшённой крупы и несколько картошек. А ещё вспомнила, как её бабушка рассказывала, что в войну люди варили суп просто из картофельных очисток.

«Продержимся, — решила она, — и точка». И от этой мысли несколько успокоилась, но внезапно почувствовала жгучую боль под ложечкой: голодный желудок давал о себе знать...

Заходя в свой дом и держась рукой за левый бок, она заставила себя улыбнуться и, как всегда, довольной «весело» сказала: «Привет! А кто дома?» Никто не отозвался. «Учатся ещё», — подумала она.

Прошла, не разуваясь, на кухню, включила кран и выпила холодной воды, набирая её в пригоршни ладошек и умывая одновременно лицо. Немного полегчало. Вздыхнула и без промедления принялась готовить «обед» —

пшённую кашу (без масла, без сахара, но зато с солью), ожидая детей из школы.

Ничего, будет день — будет и пища, как говорила когда-то её бабушка.

«Продержимся», — успокаивала она себя. И только успела так подумать — услышала звонок в прихожей, так напоминающий птичью трель. На пороге стояли дети с радостными лицами и держали вдвоём большую сумку, полную продуктами.

Прижав ладони к бледному лицу, их мама воскликнула: «Откуда вы?!» После этих слов дети виновато опустили глаза, погрустнели (и только сейчас она заметила на их личиках усталость) и ответили: «Мы пропустили школу, мама. Но зато мы сами, как взрослые, всё заработали». — «Где?!» — удивилась она. «На автостоянке. Весь день машины мыли...» — виновато сказал старший. «Целых сто рублей заработали, вот...» — подхватил другой. «Надо же, что придумали... Молодцы, в общем...» — сказала мама и растерянно взяла у них сумку. А про себя подумала: «Взрослеют».

Принесла сумку на кухню и разложила на стол содержимое: хлеб, чай, сахар кусочками, как она любит, картошка и... одно яблоко. «Одно на двоих купили», — догадалась она.

Она взяла яблоко, помыла его, разрешила на две половинки, устало плюхнулась на табуретку и потихоньку, поженски, заплакала.

И вдруг оживлённые дети (вернее, бывшие до этого) ворвались на кухню и остановились как вкопанные.

«Мама, почему ты плачешь? — спросили они. — И зачем ты разрешила яблоко на две половинки? Ведь мы же принесли его тебе...»

Но она продолжала плакать, улыбаясь им — своим солнышкам...

«Больше никогда не плачь. Слышишь?» — тормошили они её. «Хорошо, хорошо», — говорила она сквозь слёзы.